

Гермиона села за свой дневник, прервав ходьбу по комнате. Последние несколько дней она была постоянно напряжена. Лили и другие девочки покинули общежитие, оставив Гермиону одну — редкое удовольствие в школе-интернате вроде Хогвартса.

Про себя Лили подумала, что Гермиона ведет себя, ну, дико. В глазах у нее был дикий взгляд, а волосы казались еще более неукротимыми, чем когда-либо. Тонко развитые мышцы маленькой девочки всегда были напряжены, а Гермиона постоянно находилась в движении. В классе ее перо или нога всегда постукивали, и она была на удивление нетерпелива с более медленными учениками в классе. Как только звонил звонок, она почти выбегала из комнаты. После уроков она делала какие-то напряженные упражнения, приходя на ужин, а затем выполняла домашнее задание со скоростью, которую Сириус считал неестественной. Затем она ускользала на седьмой этаж и возвращалась потная и усталая, прежде чем заснуть после быстрого душа.

Однако из всех девушек только Лили знала истинную причину нервозности Гермионы. Это было 19 декабря. Всего через два дня Гермиона узнает, верны ли ее расчеты. Лили тоже жаждала встречи с сыном, и Джеймс почти так же. Сириус и Ремус тоже знали секрет и делали скидку на Гермиону. Она была резкой и натянутой, вздрагивая, когда кто-то был рядом с ней.

Немного написав, Гермиона села на кровать. Она знала, что слишком напряжена, и ей нужно расслабиться. Она собиралась в Комнату Требований, чтобы измотать себя, практиковать продвинутую магию и улучшать свою скорость и точность.

Но сегодня вечером, так дразняще близко к тому, чтобы снова увидеть его, Гермионе захотелось попробовать кое-что, о чем она читала в книге несколько дней назад. Медитация — способ расслабить тело и разум. Это также имело бы дополнительное преимущество, поскольку помогло бы ей вспомнить, что произошло до неудачного спасения. Она будет оглядываться на хорошие и плохие воспоминания, переходя от детства к юности, к тому странному состоянию, в котором она находилась сейчас. Она посмотрела на свое тело и поморщилась. Она набрала ровно один фунт, прежде чем ее тело замерзло. Она ела и пила, но так и не набрала вес. Алиса и Доркас были убеждены, что с ней что-то не так, поскольку она все еще была скелетом, хотя почти всегда ела. Она все еще находилась в режиме «заключенного», и ее тело не возражало против пропущенных приемов пищи.

Она зажгла свои любимые свечи, ванильные, зеленый чай и шалфей. Она задернула занавески вокруг своей кровати и скрестила ноги в позе лотоса. Она поерзала, пытаясь устроиться поудобнее, не выглядя совершенно нелепо, затем сдалась и задернула полог своей кровати. Она не знала, когда остальные девушки все-таки лягут спать.

Глубоко вздохнув, Гермиона оглянулась на свою жизнь, начиная с первого всплеска случайной магии.

Ей было около трех, она подошла к книжной полке, решив поставить книгу на верхнюю часть полки. Она была слишком мала, чтобы дотянуться до него, но решила сложить книги на свободном стуле, чтобы добраться до него. Мамочка прочитала ей часть вчера вечером, и

Гермиона хотела дочитать. Вскоре Гермиона вымоталась, все еще далеко от книги. Она слезла со стула, нижняя губа ненадежно дрожала. Она хотела эту книгу больше всего на свете. Внезапно книга слетела с полки и аккуратно зависла перед ней. Она радостно захлопала в ладоши, схватив книгу, чтобы лечь в постель и почитать.

Позже в тот же день Гермиона услышала, как открылась входная дверь. Ее мать была дома, и в ее комнате был беспорядок. Гермиона подумала о том, что она сделала раньше, и книги одна за другой поднялись на свои места. Закончив, она вытерла лоб. Ей было тяжело передвигать книги силой мысли. Она подняла голову и увидела удивленные взгляды родителей.

— Ты сделал это, дорогая? — спросила ее мама. Гермиона с готовностью кивнула.

«Да, мамочка. Я напортила, доставая книгу Аланны, так что я помылась». Она протянула руки, чтобы мать подняла ее, что Эмма Грейнджер сделала без особых раздумий. Гермиона уткнулась головой в плечо матери, не упуская из виду обеспокоенные взгляды, которые ее родители бросили друг на друга.

Это был ее одиннадцатый день рождения, и Гермиона спешила домой из школы. Родители пообещали пригласить ее поужинать в ее любимый ресторан «У Косты». Она свернула за угол у входа в свой район. Когда она была всего в десяти минутах от дома, вокруг нее кружили два мальчика и три девочки.

Первый, мальчик из ее класса, Джон, подошел к ней и усмехнулся, сказав: «Я знал, что ты умная, Грейнджер, но тебе действительно нужно было получить сотню на этом тесте? чтобы навлечь на остальных неприятности». Остальной класс провалился, а учительница не смогла сделать кривую, потому что Гермиона сдала.

Эта конкретная учительница ненавидела Гермиону, так как через четыре дня после начала учебного года она поняла, что Гермиона была самым умным человеком в классе в любой день. Поэтому, когда она вернула тест, она удостоверилась, что класс знает, по чьей вине они не получили кривую.

Одна из девушек позади Гермионы толкнула ее, и когда они увидели, что она замерла от страха, они напали, Гермиона свернулась в позу эмбриона, пока они били ее. Она потянулась глубоко внутрь себя и схватила свет, который увидела. Белый свет расширился, заливая ее чувства. Она услышала крики и увидела, как убегают другие дети. Она посмотрела на свое тело и увидела, что горит, но не горела. Запах горелой плоти все еще витал в воздухе, и всю дорогу домой Гермиона плакала.

Когда она пришла, то услышала голоса в гостиной, поэтому направилась туда, удивленная, увидев своих родителей со странно одетой дамой. Леди повернулась к ней и сказала: «Здравствуйте, мисс Грейнджер. Я профессор МакГонагалл, и я из школы чародейства и волшебства Хогвартс...»

Двадцать минут спустя Гермиона была полностью исцелена, поездка в Косой переулок была

запланирована, а билет с надписью «Платформа девять и три четверти» был в кошельке Эммы Грейнджер.

Гермиона была в больничном крыле, она знала это. Она могла слышать голоса вокруг себя, но не могла пошевелиться. У нее в голове была паника, она не могла видеть после того, как мадам Помфри закрыла глаза. В сжатом кулаке у нее была жизненно важная информация, которую Гарри должен был увидеть. Она знала, что монстр был василиском, и...

Кто-то прикасался к ней. Потом кто-то начал говорить. Потребовалось усилие, но она смогла разобрать, о чем он говорит. «Привет, Миона. Это я, Гарри. Я знаю, что ты, вероятно, не слышишь меня прямо сейчас, но я хочу, чтобы ты знал, что я здесь для тебя, если ты меня слышишь. Прямо сейчас в Трансфигурации мы изучаем... "

В течение следующих нескольких дней Гарри перешел от работы в школе к своей жизни, он не интересовался сплетнями о Хогвартсе, и знал, что Гермиона тоже. У него закончились другие темы для разговоров, поэтому он перешел к своей жизни у Дурслей. И вот однажды она почувствовала слабое прикосновение к своей правой руке, той, в которой был кусок пергамента.

Да! Гарри передаст информацию Дамблдору, который решит проблему. Все будет хорошо, и Гарри сказал ей, что на следующий день ей нужно дать зелье мандрагоры. Единственная проблема заключалась в том, что она не была уверена, допустят ли ее к экзаменам.

" СКАЖИ МНЕ!" Темные запавшие глаза Беллатрисы горели яростной яростью, угрожающе глядя на нее сверху вниз.

Гермиона только усмехнулась и лениво махнула рукой, хотя эффект несколько испортила дрожь от поврежденных нервов. "Укуси меня."

" Круцио!"

Гермиона постукивала ногой в углу гостиной, ожидая, что Сириус что-нибудь скажет. "Что ж?" — спросила она, поморщившись от того, как резко прозвучал ее голос. Она действительно была раздражена, он отказывался смотреть ей в глаза, вместо этого глядя на ее руку или пол.

Сириус вздрогнул, наконец, виновато взглянув на нее. — Прости, Гермиона. Это не мое дело, и я обещаю никогда больше не причинять тебе боль. Прости меня?

Он смотрел на нее щенячьими глазами, движение, которое он усовершенствовал около двух лет назад. Гермиона покачала головой, мягко улыбаясь. — Конечно. Но ты должен понимать, что мы с Сегом просто друзья, и что у меня дома есть мужчина. Хорошо? Небольшая часть скривилась от лжи, которую она сказала сероглазому мальчику, но она жестоко оттолкнула ее.

Он кивнул, и она обняла его, и они вдвоем вернулись к своему кругу друзей, хихикая над выражением лиц Мародера, когда каждый из них должен был передать Лили десять галлеонов. — Говорил тебе, что обнимет его.

Гермиона нырнула через потайной ход в кабинет Дамблдора. Она побежала вверх по лестнице, бормоча про себя про глупых мальчишек. Добравшись до офиса, она уперла свои золотые руки в бока и уставилась на них. Ее волосы теперь были рыжее, чем у Лили, а кожа цвета галеона.

Сириус, Ремус, Питер и Джеймс содрогнулись под ее взглядом. «Есть ли причина, по которой все окрашены в красный и золотой цвета?» — крикнула она им. «Я сказал вам подбодрить Алису. Как будто недостаточно потерять родителей из-за этой пары заросших заплесневелых шорт, теперь ей приходится иметь дело с рыжими волосами и золотой кожей! Вам, мальчики, должно быть стыдно за себя!»

Затем она посмотрела на Дамблдора, затем ее щеки приобрели восхитительный оранжевый цвет. Учителя были наоборот, с красной кожей и золотыми волосами. Глядя на спокойного краснокожего Дамблдора, она боролась с желанием расхохотаться. Дамблдор посмотрел на мальчиков и улыбнулся. «Я, например, нашел шутку восхитительной. Я думаю, что миссис Грейнджер и Эванс будут кричать на вас, мальчики, будет достаточным наказанием. Вы можете идти».

Гермиона повела их вниз по лестнице, подождав, пока они минуют горгулью, прежде чем сурово взглянуть на Сириуса, а затем на Джеймса. Затем она повернулась к Ремусу. — Ремус Джон Люпин! Я ожидал от тебя большего. Ради бога, ты староста! Следующим на очереди был Джеймс. "Джеймс Гарри Поттер!" Ей пришлось на секунду отвести взгляд, быстро моргая. Она не ожидала, что произнесение его имени вызовет такую боль. Она оглянулась на съёжившегося Джеймса, на лице которого застыла раздражающе самодовольная ухмылка. «Ты староста! Имейте хоть немного здравого смысла!»

Как только она закончила пережевывать Сириуса, Лили появилась из-за угла. «ДЖЕЙМС ЧАРЛУС ПОТТЕР! Что ты сделал с моими ВОЛОСАМИ?»

Гермиона и Снейп сидели в подземельях, где Снейп помогал Гермионе приготовить зелье для Ремуса. Они также обсуждали будущее Северуса.

Гермиона взглянула на него, медленно добавляя порошкообразный паслен. — Сев? Ты уже решил, что собираешься делать?

Он посмотрел на нее и глубоко вздохнул. — Да. Я собираюсь шпионить. Можешь... ты поможешь мне рассказать Дамблдору?

Она тепло улыбнулась ему. "Конечно. Для чего нужны друзья?"

Он ухмыльнулся и сказал: «Вручаю тебе златоглазки».

Лили и Гермиона сидели на кровати Гермионы. «Ты должна сказать им поскорее, Гермиона. Они не глупые. Они знают, что ты ненормальная. . Ей пришлось на секунду отвести взгляд, сдерживая слезы.

"Я не могу, Лили. Они счастливы. Что они собираются делать, когда узнают, что один из их числа предал их? Я пытаюсь помочь Питеру, и Регулусу, и всем Лили. Я пытаюсь спасти мир -"

«И тебе нужна помощь. Они могут помочь тебе, Гермиона. Пожалуйста. подрывает дружбу с Сириусом и Ремусом. И говоря о мальчиках...

«Мне это не интересно. Им нужно вбить это в свои толстые черепа, прежде чем я врежу им это».

«Пожалуйста, Гермиона. Мне нужно это, тебе нужно это. Пожалуйста».

«Хорошо, Лили. Я сделаю это для тебя». Девушка повыше обняла другую, и они вышли из комнаты.

«Ты из другого измерения. Из того, что в будущем на двадцать лет. Гермиона, ты сошла с ума?» Сириус смотрел на Гермиону в нескрываемом шоке, с настороженным блеском в глазах.

«Нет. Ты, Сириус Орион Блэк, ошибаешься. Мне нужно тебе это доказывать?» — холодно сказала Гермиона. Ее не совсем устраивала эта ситуация.

— Ага. Было бы неплохо, — саркастически протянул Сириус. «Если ты с треском провалишь этот тест, мы можем просто отвезти тебя в Сент-Мунго».

Гермиона только вздохнула, начав низким голосом, который по мере того, как она продолжала, становился все сильнее. «У вас есть Мрачный анимаг, вы бегаєте с оборотнем в полнолуние, вы хотите мотоцикл, и ваша мама вычеркнула вас из фамильного гобелена. спальня находится на втором этаже и украшена цветами Гриффиндора и маггловскими моделями».

Она повернулась лицом ко всем. «Я много знаю о каждом из вас. Я знаю, когда вы умрете, за кого вы выйдете замуж, какая у вас работа. Но самое печальное в том, что через двадцать лет только один из вас все еще жив».

Ее встретили четыре ошеломленных лица. Петр заговорил первым. "Я мертв?"

Она задумалась на мгновение. «Я почти уверен, что ты уже мертв. У тебя есть несколько очень влиятельных людей, у которых на тебя большие обиды».

Сириус испуганно посмотрел на нее. "А что я?"

У Гермионы на секунду выступили слезы. «Я видел, как ты умер на пятом курсе Хогwartса. Твоя смерть сильно повлияла на мою жизнь и жизнь моих лучших друзей».

Ремус выглядел задумчивым. — Значит, я полагаю, я мертв?

Гермиона мрачно усмехнулась. «Насколько я знаю, еще нет. Но это очень большая вероятность».

Джеймс посмотрел на Лили, затем на Гермиону. — Лили и я?

Она кивнула. — Да. Твой осиротевший сын — мой лучший друг.

«Ты собираешься сделать меня крестным отцом Пронгслета, не так ли, Джеймс?» — спросил Сириус с натянутой ухмылкой.

Джеймс ухмыльнулся в ответ. — Конечно. Кто еще научит его шалить и ненавидеть слизеринцев? Ремус и Питер демонстративно избегали их двоих. «Ой, Лунатик. Вы, ребята, будете дядями. Вы можете сильно его испортить».

Гермиона покачала головой. «Такого никогда не случалось в моей жизни. Сируса отправили в Азкабан, Питера тринадцать лет считали мертвым, а Ремусу не разрешалось контактировать с Гарри. Вашего сына отправили к сестре Лили, которая жестоко обращалась с ним. Пока Гарри не пришлось пойти в школу, он думал, что его зовут «мальчик». Он спал в чулане под лестницей, пока не попал в Хогwartс. Петуния боялась, что Дамблдор накажет ее, если увидит условия жизни Гарри, поэтому она отдала ему вторую спальню сына, с недавно добавленными замками, кошачьей дверью для еды. и решетки на окне».

Лили начала тихонько плакать в плечо Джеймса. «В последний раз я вежливо разговаривал с сестрой в 1970 году. Она всегда ненавидела меня после того, как я получил письмо из Хогwartса».

Джеймс похлопал ее по спине, чтобы утешить. — Этого никогда не должно было случиться. В наших завещаниях мы бы отдали... — он посмотрел на Гермиону, — это был Гарри? она кивнула. «Мы бы отдали Гарри Фрэнку и Элис или Энди и Теду».

— вмешалась Гермиона. — Да. Дамблдор нарушил твою волю, чтобы убедиться, что Гарри с Дурслями. В любом случае, Фрэнк и Элис были замучены до безумия на следующий день после твоей смерти.

Питер был пепельным. «Что мы можем сделать, чтобы предотвратить это? Зачем ты нам это рассказываешь?»

У Гермионы был решительный блеск в глазах, упрямство на подбородке. «Потому что. Я хочу

изменить временную шкалу и убедиться, что вы все там, на одиннадцатый день рождения Гарри».

Гермиона и Лили сидели вместе на кровати Лили. У Лили стоял небольшой письменный стол с чистым листом пергамента и пером. На кровати было много разорванных кусков пергамента.

«Гермиона! Что я могу ей сказать? Мы почти не разговаривали семь лет, и она мне очень завидует», — простонала Лили, полагая, что это ее собственная особая пытка, которая гарантированно сломает ее менее чем через десять минут. Она не могла поверить, что написать письмо сестре будет так трудно.

«Просто сделай это, Лили. Извинись, скажи, что восхищаешься ею, и спроси, можешь ли ты встретиться в перерыве. Я уже получил разрешение от Дамблдора отпустить тебя по каминной сети в магловский Лондон 30-го числа. Скажи ей, что тебе не терпится увидеть ее». Она. Она твоя сестра, и ты знаешь, что лучше сказать. Давай, Лили!"

Через два часа девушки получили то, что они считали идеальным письмом для Петунии Эванс. Они вежливо попросили домового эльфа передать его Дамблдору, чтобы он мог отправить его по почте через маггловскую почту.

Лили рухнула на кровать, застонав. «Я больше никогда этого не сделаю. Клянусь, убей меня сейчас, пока мне не пришлось писать еще одно письмо Туни».

— Мисс Грейнджер! Пожалуйста, оставайтесь на минутку после уроков, — рявкнула профессор МакГонагалл, взволнованно глядя на девушку перед собой.

— Да, профессор? — нервно спросила Гермиона.

«Мисс Грейнджер, персонал беспокоится за вас. Вы почти не едите во время еды, и мы опасаемся, что у вас опасно недостаточный вес. На самом деле, вчера мисс Скитер приходила ко мне, чтобы сказать, что она слышала, как вы говорили мисс Эванс, что у вас анорексия. Вы здоровы, мисс Грейнджер? Жестокие слова скрыли бы сострадание в глазах профессора МакГонагалл от любого, кто плохо ее знал. Как бы то ни было, Гермиона была слишком потрясена, чтобы это заметить.

Гермиона на мгновение покраснела. «Я в порядке, профессор. Аманда Скитер затаила на меня злобу и готова сделать почти все, чтобы опорочить мою репутацию. У меня нет расстройства пищевого поведения, профессор. Я все еще восстанавливаюсь после четырехмесячного голодания». Сарказм в ее голосе не ускользнул от профессора трансфигурации.

На самом деле она была пленницей в поместье Малфоев всего два месяца. Но месяцы, которые они провели в походах, были почти такими же плохими. Из-за того, что Рон поглощал все, что попадалось на глаза, и ее ужасных кулинарных навыков еды было мало.

МакГонагалл на мгновение отвела взгляд. — Прощу прощения, мисс Грейнджер. Желаю вам выздоровления. Можете идти.

Это было явное увольнение, так что Гермиона ушла.

Гермиона была с Сириусом и Джеймсом, наблюдая из тайного прохода, как Аманда Скитер прошла мимо них.

«Еще три фута... Два, теперь Ремус!» — прошептал Джеймс в зеркало, которое держал в руках.

Гермиона зажала рот рукой, сдерживая смех. Скитер только что вылила ей на голову около трех галлонов липкой массы (специально окрашенной в желтый цвет). Гуп имел особый эффект, заставляющий человека быстро расширяться.

Аманда Скитер визжала, наблюдая, как она толстеет с каждой секундой. Тройной подбородок, большое пивное брюхо, колбасные пальцы, полный комплект. На ее лбу все еще были прыщики, означающие «Сплетница», злые и красные. Она ходила за ними к мадам Помфри, но целительница понятия не имела, как их удалить. Она прокляла себе нос, пытаясь снять их сама, и после этого оставила их в покое.

Аманда побежала, ну, вперевалку, в больничное крыло, подпрыгивая ручками любви. Как только она свернула за угол, Гермиона и Мародеры высыпали из проходов, в которых они прятались. Гермиона обняла Джеймса, снова и снова благодаря его.

«Это было блестяще, Джеймс! Большое спасибо!» Гермиона смеялась, и ее глаза радостно блестели. Однако, когда позже Ремус оглянулся на это воспоминание, он все еще мог видеть печаль, которая никогда не покидала ее глаз.

Гермиона скользнула на сиденье рядом со Снейпом, прошептав ему на ухо: — Как продвигается оккуломенция?

Он вздрогнул. «Хорошо. Дамблдор все еще каждый раз умудряется проникнуть в мою голову. Проблема в том, что мои барьеры терпят поражение, и это вызывает у меня смертельную головную боль».

Она сочувственно похлопала его по руке и шикнула на него, когда Слизнорт вошел в комнату. Она делала небрежные записи, не обращая особого внимания. Она сварила Оборотень на втором курсе. Она могла бы делать это во сне, но Слизнорт целую неделю делал заметки и готовился. На приготовление этого зелья уйдет месяц, и это будет большая часть их класса. Гермиона получила в два раза больше ингредиентов, чем ей нужно, и варила их вместе с аконитом для Ремуса.

У нее были планы на это зелье. Ей и Гарри нужно быстро получить хоркруксы Волдеморта,

прежде чем он сделает больше. Она знала, что чашка и дневник уже сделаны, а змея и медальон, возможно, нет. Она также была уверена в кольце, но боялась добраться до него. Если бы Дамблдор чуть не умер, получив его, какие у них были бы шансы?»

Она посмотрела на свои записи, а затем покраснела. На полях она рисовала русалок и принцесс, но чаще всего HJG любит HJP или Гермиону Джейн Поттер.

Северус посмотрел на нее и на ее пылающие красные щеки. Он посмотрел на ее записи, туда, куда она смотрела. Ее рука прикрывала большую часть его, но он мог различить одну Джейн Поттер. Его сердце будто снова разорвалось. Почему каждая девушка, которую он когда-либо любил, влюблялась в Поттера?

Когда урок закончился, он выбежал из класса, даже не взглянув на Гермиону.

МакГонагалл ходила со списком тех, кто остался на зимние каникулы. Гермиона быстро подписала свое имя, а затем в шоке посмотрела на Мародеров (за исключением Питера, чья мать заставляла его вернуться домой) и Лили, которые тоже подписались.

Она нежно коснулась руки Лили. «Лили, на самом деле тебе не обязательно оставаться со мной. Иди и повидайся со своими родителями и Туни». Петуния и Лили обменялись несколькими письмами, и теперь они были в гораздо лучших отношениях.

Лили покачала головой. — Нет, Гермиона. Я люблю своих родителей и сестру, но я увижусь с ними 30-го числа. Я хочу увидеть своего сына. И Джеймс хочет увидеть «Пронгслет», а Сириус хочет увидеть своего крестника...

Гермиона рассмеялась. "Я понимаю." Она слегка понизила голос, почти прошептав: «Спасибо, Лили. Не знаю, выдержу ли я, если ошибусь».

Гермиона сидела напротив директора и протягивала ему свой рождественский подарок. «Счастливого Рождества, сэр», — сказала она, с ликованием наблюдая, как он отреагирует на конфеты.

— Счастливого Рождества, мисс Грейнджер, — ответил он, с опаской глядя на маггловские леденцы и кладя одну в рот. «Почему, мисс Грейнджер! Они восхитительны! Скажите, пожалуйста, какие они?»

Гермиона ухмыльнулась. — Лимонные леденцы, сэр.

Гермиона зевнула и медленно вышла из медитативного состояния, потягиваясь и постанывая. Это была действительно хорошая идея, теперь она была намного спокойнее. Ее мышцы больше не были напряжены, и она дышала легче. Она посмотрела на свечи, потом на часы. Прошло добрых два часа, и Гермиона решила спуститься в гостиную. Она действительно не

разговаривала с Мародёрами уже несколько дней. Ей также не помешало бы закончить оставшуюся домашнюю работу, которую она приготовила к перерыву.

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397792>